

Василий Русаков

УВЕРЕНИЕ ФОМЫ

или

СТРОГИЙ РАЙ

(книга стихов)

Санкт-Петербург
2004 г.

Новый Орфей

Urbi

*Литературный альманах
издаваемый
Владимиром Садовским
под редакцией
Кирилла Кобрин и Алексея Пурина*

выпуск сорок восьмой

серия

Новый Орфей

(16)

Прага * Санкт-Петербург

От автора:

ERGO SUM

(ЗАЧЕМ ПИШУТСЯ СТИХИ?)

Сразу внесём поправку – не пишутся, а пишут. И пишут их вполне сознательно, не в припадке вдохновения, не в мечтательном устремлении в мистические, запредельные области, а спокойно и размеренно, выполняя напряжённую интеллектуальную работу, если мы говорим о настоящих стихах. Таким образом, поэзия – есть необходимо осознанная деятельность человека, направленная на создание (высоко)художественных текстов, обладающих всеми формальными признаками искусственной стихотворной речи. Меня могут одёрнуть – естественной стихотворной речи не существует. Однако существует стихийное (на то они и стихи) совпадение размеров речевых отрезков или созвучий на окончаниях таких отрезков. Так часто происходит у детей, когда ребёнок случайно попадает в какой-либо ритм, когда он случайно обнаруживает неожиданное попадание различных смысловых конструкций в фонетические формы друг друга. Так бывает и со взрослыми людьми, когда они вынуждены извиняться за только что родившийся помимо их желания каламбур. И всё-таки, если мы действительно говорим о стихах настоящих, то поэзию следует отнести не просто к сознательной деятельности, но к одной из форм существования сознания, более того – к одной из важнейших форм. Ни одна сфера деятельности человека – ни научная, ни производственная, ни бытовая, ни тем более художественная – невозможны без наличия в них творческого импульса.

Творчество является неотъемлемым и совершенно необходимым атрибутом сознания. Творчество формирует сознание и влияет на многие поведенческие установки

человека. Можно сказать, что материальные результаты творчества – тексты, полотна, музыкальные опусы и пр. есть физиологические проявления творческого инстинкта, сыгравшего свою весьма заметную роль в становлении современного человека в том виде, в каком мы его знаем.

Таким образом, вопроса о том, почему человек занимается творчеством, не существует; здесь как в любви – мы любим не за что-либо, а потому что... Но остаётся вопрос – а зачем человек это делает, ведь мотивировок множество, и какая же из них наиболее существенна? Если идти *ab ovo*¹, то наиболее мощное наращивание личного духовного опыта происходит в детстве, когда ребенок пробует всё, и то, что у него получается, нравится ему, а то, что даётся с трудом или не получается вовсе, вызывает желание поскорее избавиться от этой обузы и больше к ней не возвращаться. По крайней мере, в стихах пробуют себя все. Реликты детских опытов мы обнаруживаем в юности, когда сильнейшие эмоциональные переживания, связанные с первыми романтическими увлечениями и первым, серьёзным, философским проникновением в бытие человека, приводят к написанию уже более менее осмысленных текстов, призванных решить две основных задачи: во-первых – понравиться другому человеку, привлечь его внимание и таким образом заслужить его любовь; во-вторых – что-то понять об этом мире, проговорив какие-то его закономерности, уложив их в чеканные формулы классических размеров. Однако очень скоро поэт обнаруживает, что если он и добился взаимности другого человека, то отнюдь не потому, что пишет стихи, а скорее – вопреки этому. Так же и с иррациональным, вненаучным осмыслением мира, очень скоро становится ясно, что одними стихами мировоззрение не сформируешь. Появляется жажда славы. Надо же как-то утилизировать полученный свыше дар, иначе – зачем он, какой в нём смысл? Поэт представляет себе, что он напишет нечто, от чего общество вздрогнет и мир перевернётся. О его стихах начнут говорить, признают, и далее – вот оно, счастье! Как бы не так. Проходят годы, накапливаются тексты, среди

¹ *AB OVO USQUE AD MALA* – букв. «от яиц до яблок» (у древних римлян обед начинался с яиц и кончался фруктами), т. о. – от начала до конца.

которых немало и довольно приличных, но мир живёт какой-то своей жизнью и совершенно не собирается вставать на уши из-за каких бы то ни было стихов, даже самых гениальных. Но стихи пишутся. Зачем? Возможно, это какая-то культурная привычка, сложившийся уклад, менять который теперь сложно, да и нет необходимости? Может это теперь уже своеобразный ритуал, наполняющий жизнь хоть каким-то смыслом? И тут обнаруживается странная вещь – стихи твои начинают самостоятельное существование, ты им уже не очень нужен и они сами, помимо тебя, вплетаются в культурный орнамент современного общества. Совершенно естественная для тебя и единственно возможная форма существования твоего личного сознания переходит в новое качество – становится формой существования сознания общественного, т. е. культурой твоего народа. Популярность на этом этапе становится чем-то малозначительным. Она может быть, её может не быть, в любом случае, она – побочный продукт твоей деятельности, более того, наличие этой самой популярности – серьёзный повод задуматься о качестве твоих текстов. Ведь популярно не то, что имеет высокое качество, а то лишь, что легкодоступно, что можно получить, не прилагая особых усилий. Да простится мне такое сравнение – что может быть популярнее обыкновенной селедки, но кто скажет, что менее популярная осетрина хуже?

Итак, остаётся поэт и перед ним чистый лист бумаги с нарождающимся текстом. Человек мучается – встаёт, ходит по комнате и садится опять. Что-то пишет и тут же размашисто перечёркивает, отшвыривая лист прочь. Потом берёт новый, и так долгие минуты и часы. Что удерживает его в этом напряжённом состоянии вплоть до катарсиса, когда он, наконец, выдохнет последнее слово и спокойно-радостно перечитает написанное, испытывая временное облегчение от терзавших его мук? Поэт, хочет он того или нет, полудобровольно, полупринудительно берёт на себя социальную функцию продления культуры, транслирования и амплификации² всей неподъёмной массы смыслов,

² AMPLIFICATIO – (лат.) распространение, увеличение. В смысле продления культурной традиции этот термин вводит А. Машевский

созданных и сохранённых для нас нашими предшественниками.

Конечно, поэт каждый раз пишет зачем-то. Каждое стихотворение имеет собственный импульс к написанию, отличный от всех прочих. И каждый раз обнаруживается, что это одна и та же форма жизни слова, и, обусловленная ею, одна и та же единственно возможная форма существования сознания. Изыми, погаси творческий импульс, и сознание человека превратится в сознание животного, в сознание, направленное только на поиск пищи и продление рода, в сознание полностью естественное, и в силу этого неспособное к созданию искусственных конструкций (то, что мы и называем искусством), посредством которых можно вытащить себя за волосы из болота животной жизни и осмыслить себя как человека.

Человеком мало родиться. В конце концов, человек – всего лишь биологический вид в ряду других, не менее успешных, биологических видов. Кроманьонец – тоже человек, но какая между ним и современным жителем Земли пропасть! (Здесь можно ехидно посетовать на нынешнее поколение, которое в своём развитии, похоже, тормознуло на стадии палеолита, но отнесём это отрадное занятие на более зрелые годы.) Для того чтобы стать человеком в духовном смысле, необходимо постоянно возобновляемое усилие, направленное на преодоление пустоты-амнезии, идущей за нами по пятам и мгновенно заполняющей смысловое пространство культуры, едва мы решим, что можно отдохнуть. Занятие творчеством, и, в частности, написание стихов главной своей целью имеет возобновление в человеке человека, и каковы бы ни были сиюминутные стимулы к созданию тех или иных текстов, именно эту задачу следует признать единственным удовлетворительным ответом на вынесенный в заглавие вопрос.

в лекциях по истории русской поэзии, для описания процесса сохранения, передачи и распространения культурных доминант.

УВЕРЕНИЕ ФОМЫ
или
СТРОГИЙ РАЙ
(книга стихов)

I

ПЕСЕНКА

День-то, ах, день-то – безумно пригож,
Радостных нот не унять.
Что расчирикалась, что ты поёшь,
Птичка-не-знаю-как-звать?
Стая твоя, твой побитый косяк,
Помнит и дождь, и пургу –
Радость твою, твоё счастье никак
Я объяснить не могу.

Мало ли ястребов было и лис,
Сколько сородичей нет...
Что ты чирикаешь? – Цыц, схоронись,
Что ты орёшь на весь свет?
Только ль весна? – Да ума твоего
Мало, молчи, дурачок!
Ведь никого, никого, никого...
Впрочем, об этом – молчок.

* * *

Кто сказал, что тебе ничего, ничего не надо,
Кроме этой земли, где дороги не слишком гладки,
Где другая беда – только это совсем неправда,
Где закон неизвестен, но всюду царят порядки,
Заведённые искони, словно пружина злая,
И любой разговор неизбежно ведёт к обиде...
Можно жить, ничего, ничего наперёд не зная...
Кто сказал, что тебе это нужно в таком вот виде?

Кто сказал, что ты сможешь прожить, там, где воздух легче,
Где любой позвоночник прямее гавайской пальмы,
Где не слышали звуков короткой похабной речи,
Где уже не стремились бы сердцем в иную даль мы,
Как стремимся теперь в тот эдем, где с тобою вместе
Будем счастливы, счастливы, счастливы... но, покуда,
Никуда не поедem ещё лет, наверное, двести,
Потому, что мы счастливы?... дождь, гололёд, простуда...

* * *

А я, предстань мне Бог, поверил бы? – не зная,
И пальцы бы вложил, и трогал бы рукав,
И говорил – да-да... и сетовал бы – злая
Судьба моя – так тёмно и лукаво,

Что умолял бы – дай мне знак, развея тревогу,
Пусть куст заговорит, пусть как-нибудь вдвоём
Пойдём... и страшно так, и мутно, ей богу,
Ну помоги в неверии моём!

О, что бы я наплёл, что вспомнил бы! Тогда-то
Незвизу света я – где счастье и покой?
Душа моя ни в чём, ни в чём не виновата,
Но кто же Ты и кто же я такой?

* * *

Аптека, и, стало быть, Блока
Ты вспомнил, как вор,
Поскольку от червя до Бога –
Клише и повтор,
Меняются люди и даты,
Всё было уже,
Рассветы и снова закаты,
Повтор и клише.
И то, что кончается, тая,
К апрелю зима,
И юность ещё золотая
И сводит с ума,
И жизнь – вся желание жизни,
И тот разговор,
Казалось, впервые, а вышло –
Клише и повтор.
И легче остыть нам друг к другу,
Чем бросить курить,
Но даже печаль и разлуку
Хочу повторить,
Поскольку не знаю иного
Желанья в душе,
Чем чувствовать снова и снова
Повтор и клише.

* * *

Григорию Глозману

Как за невымытыми стёклами,
С едва заметной синевой,
У горизонта дали блёклые,
Но ярче цвет над головой.

И ставишь ноги неуверенно,
Подошвы вдавливая в грязь,
А небо движется размеренно,
Возможно, мною становясь.

И нет зазора... и некстати я
Бубню о том, что в этот миг
Вся жизнь – единые объятия,
Не замечаешь, как привык.

* * *

Всё возвращается – снуёт челнок бессрочный,
Но с каждым разом дольше полотно,
И мы в одном бесспорно правомочны –
Всё забывать. Немного дано
Оставить в днях, и солнце расставаний
В прищуре огненном терплю...
Вернёшь ли прошлый жар и нежный сумрак ранний?
Ещё раз скажешь ли – люблю?

Всё возвращается, как лёгкий запах дыма,
Так пахнет куртка радостным костром,
Судьба придёт, как день, уйдёт, непоправима,
И в вечере печальном и пустом
Ты ищешь полдня след, а небо потемнело,
И короб дум и дел едва-едва почат...
Костёр рассыпался, покоя просит тело,
И угли дымные горчат.

* * *

Влажное ложе ещё не успела покинуть денница...
Господи, если бы так начинался мой день! –
Бьётся будильник, душа, не проснувшись, стремится
Спрятаться в сон, под подушку,
по кнопке попасть бы... надень
Тапки холодные... Где она, розовоперста?!
Где шевеление тихой аркадской воды,
Нимфа пугливая, полдень ленивый – сиеста?
Жизнь, это – чай спозаранку, совсем не труды,
А ежедневная служба, а проще – работа,
Ворох квитанций за свет, телефон и жильё...
Зря Аполлон хороводит – стихов позолота
Пооблупилась давно. Твоя муза, ты помнишь её? –
Всё ещё ходит в тунике, не скинула нимба,
Все коммунальные службы повыгнала вон?
Платит ли Зевс хоть обол за уборку Олимпа?
У Афродиты звонит ли ещё телефон?

**К СТАТУЕ «РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ»,
УСТАНОВЛЕННОЙ НА ВХОДЕ В
КОМИТЕТ ПО АРХИТЕКТУРЕ И
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ.**

В ней нет античной точности, отсылка
К другой традиции – романтика, мгновенно
Усвоенная, принятая пылко
Всеядною прагматикой модерна.
И сразу – взрослая, и сразу же с причёской,
Как будто из элитного салона,
Лишь ткань сползает мятою полоской,
Приоткрывая гипсовое лоно.
Что скажешь? – Красота её прекрасна,
Она магнитит взоры проходящих
Сотрудников, но жизнь с ней несогласна,
И доказательств хочет настоящих –
Не этой *прелести*, не мёртвого *искуса*,
Не мальчика курчавого Эрота,
А жадных рук мгновенного союза,
Ответных губ, *отзыва*, поворота...
Но как расчётлив скульптор – на обманку
Все, все клюют. И сам я, то и дело,
Лишь проскочу вахтёра спозаранку,
Войду, и – хоп! – таращусь обалдело.

* * *

Ах, кто не пьёт – тот не поэт,
И жизнь есть не учёт, а вычет –
Важнее то, чего уж нет...
Тот не поэт, кто смерть не кличет,
Кто с ней за здравие не пьёт,
Её к себе не примеряет...
И вот она – стоит и ждёт,
И про тебя всё понимает.

Прочь эти мысли, прочь, забудь –
Мы знаем Фета, Пастернака...
Вокзал дрожит – рыданье, жуть,
Но поезд тронулся, однако.
И однорукий семафор,
И что-то брякает в коробке...
Знакомьтесь – Верочка, Егор...
Стоят пластмассовые стопки.

Да к чёрту, к чёрту все труды,
И этот мрак пустой, незрячий –
Над нами полночь, словно дым,
В окне уснул огонь стоячий.
Но кто-то возится, не спит,
Страна взрастила пионера –
Ах, этот спирт, и этот флирт,
И эти Люба, Надя, Вера...

* * *

Поэт всегда, всегда в Эдем,
Едва листа коснись,
Стремится, строки, между тем,
К сегодня унеслись:
Другую даль откроет взгляд –
Попробуй, одолей! –
Среди иных течёт Евфрат,
Асфальтовых полей.

И значит, всё не так, и всё
По-прежнему, как встарь,
Одну и ту же весть несёт
Заоблачный фонарь;
И за окном так далека
Дорога наугад,
Где густогривая пурга
Укутывает сад...

* * *

Бог помнит всё, и всё хранит –
Есть, верно, место во вселенной,
Где век минувший говорит
С грядущим речью сокровенной,
Архитектура поз и лиц –
Везде гранит неколебимый,
Преступный град цареубийц
Так ненормально мной любимый.

За что? – и думать не хочу...
В пространстве тяжком и крылатом,
Где Монферран зажжёт свечу,
Где в сумраке зеленоватом,
Тройным подхваченный лучом,
Фрегат не знает пьедестала...
И даже Пётр здесь не при чём –
Здесь всё само собою стало.

* * *

Где-то в мёрзлой Якутии холод невообразимый,
А у нас снегопад, минус шесть, новогодний настрой,
Возле станций метро уже ёлки стоят, распушились корзины
Занесённых кустов, мишурою горят магазины,
В тесном парке дубы не расстались с осенней листвой –

В общем, даже тепло. Под тяжёлым укрытием снежным
Не замёрзнет никто. На дорожке – раскатанный лёд:
Не захочешь – прокатишься...

Морем холодным, безбрежным –
Рассыпаются белые волны – троллейбус плывёт,

С мачт наклонных его опадает прохладная пена,
На бортах его розовых соли белёсый налёт,
Расступается даль, разгоняется он постепенно,
Но недолго, и если сказать откровенно –
Не туда, куда надо, везёт...

* * *

На Карповке, где карпов не бывает,
Высокий дом в ряду других стоит –
Не первый век он небо подпирает
И смотрит на слепых кариатид.

Но вспомнил я об этом старом доме
Не потому, что радовал он глаз,
Но что-то там, в густой стоячей дрёме,
Должно быть, было... Помню, как сейчас,

Я чуял камня холод и опаску,
Я видел тополь в каменном кольце,
Я проходил – я помню эту маску
С трагическим усилением в лице...

Как водится – мелькали в окнах тени,
Высокой арки серый таял свод,
И боковые щерились ступени
За неподвижной створкою ворот.

Из сумрака, следящего за мною,
Чужой, невнятный, слышался мне зов,
И думалось – за этою стеною
Другие жители совсем других миров,

В которых всё свершилось, устоялось,
И я – фантом, неразличимый вздох,
Смутивший эту чуткую усталость
Мгновенной памятью бог весть каких эпох...

И вот теперь смотрю на это зданье,
Не находя обычной седины –
Евроремонт, утрачено дыханье
Былого, и морщины сведены.

Пойду теперь – не призрак, но прохожий –
И тротуар приятно чист и сух –
Ни от чего не вспыхнет жар под кожей,
Не вздрогнет взгляд, не встрепаётся слух...

* * *

То смотрит на нас, улыбаясь, Монро
С недолгой рекламы в вагоне метро,
То смотрят собаки и дети,
Гудит поездами сквозная дыра,
Мы едем туда, где мы были вчера,
И где будем завтра, поверьте.

Как, в сущности, важен для нас дискомфорт,
И этот подземный людской хоровод,
И давка на входе, и давка
В железной утробе, в минутных тисках,
И дрожь, и мучительный пот на висках,
И нищая эта чернавка,

Которая молча стоит у перил,
Я ей бы поверил, да я не дебил...
Кто наши оценит поступки?
Возьми... Ты живёшь вместе с нами в метро,
Где ездит красавица наша Монро,
И носит шикарные юбки.

* * *

Она сбегала вниз, не тронув перил,
Она мне казалась чудом в шестнадцать лет,
Ах, как я любил! – сам не знал, как же я любил...
Хотя, намекал, но заранее знал ответ,
Вернее, ответа и не было, так – ха-ха,
Танцульки-свистульки, последний десятый класс,
Я пел под гитару и врал, и давал петуха,
Она всё терпела, и это сближало нас.

Потом, институт, разлука, я был пленён
Советской Армией и увезён туда,
Где жизнь засыпает, и нет никаких имён,
Лишь номер на бирке, но время бежит, как вода,
Два года мелькнули, и было не жалко их,
Вся жизнь впереди и бессчётен годов запас,
И мир, представлялось, был создан для нас двоих,
Она соглашалась, и это сближало нас.

Потом мы разъехались снова на много лет,
Она вышла замуж, не сразу, а так к тридцати,
Детей родила – пребанальнейший, брат, сюжет,
И всё хорошо, даже в гости зовёт – заходи...
И я захожу и на кухне сижу, как гвоздь,
И глаз не свожу с её чёрных восточных глаз,
И муж её, славный мужик, меня видит насквозь,
И потчует пивом, и это сближает нас.

* * *

Природа равнодушно-справедлива,
Всему свой срок, отсрочек никаких.
И с равномерностью прилива и отлива
Уносит время самых дорогих
Людей – и тех, кто жив, но не вернётся,
И тех, кто не вернётся никогда...
Никто, ничто в живых не остаётся...
Над головой небесная гряда
Роняет снег – всё скрыто, всё условно,
Холодный воздух трогаешь рукой,
И хорошо, что так светло и ровно,
Что нет земли под нами никакой.

* * *

Напрасно, может быть, обижу
Тебя, но всё-таки скажу:
Люблю, люблю и ненавижу,
И выхода не нахожу

Из двух нечаянных печалей,
Которых не соединить,
Два этих чувства мы зачали –
Не оправдать, не обвинить,

А обвинить – не оправдаться...
Доказывать – напрасный труд.
Судить или суду предаться,
Когда пристрастен этот суд –

Одно и то же. Всё. Корнями
Вросли друг в друга две вины,
И эти дни другими днями
Оскорблены, освещены.

* * *

О чём ни говорю, а говорю о многом,
С тобой, с самим собой, с непредставимым богом,
Всё кажется пустым, что мучило вчера,
И замирает жизнь под росчерком пера.

А за окном весна качается и стонет,
И мутный пассажир в расхристанном вагоне,
И мыслей в этот час под кепкою улов
Едва ли наберу на два десятка слов.

Мелькает чёрный парк, ничью не помня поступь,
Наступит полный мрак – невероятно просто,
Зачем же ты опять стремишься в эту клеть? –
Здесь есть, за что страдать, и есть, кого жалеть...

Мысль, в общем, не нова, но требует повтора –
Забудутся слова так прочно и так скоро,
И даже ты, душа, скользнёшь, как ветра взмах,
Рассыпав по пути наш чувствующий прах.

* * *

Была любовь – её не стало,
Куда исчезла, где искать?
Пока была, не уставала
Шуметь, крутиться, хлопотать,
И подниматься спозаранку,
И вечных ублажать гостей.
Пока была, тянула ляжку
Дневных забот, ночных страстей –
Жила, работала, рожала,
Сидела над детьми совой,
И соглашалась, возражала,
О стенку билась головой,
И всё, что можно, торопила,
Мотаясь в поисках угла...
Сама себя перепилила,
Сама себя не сберегла.
Сама судьбу свою сверстала,
Сама к развязке привела.
Была любовь – её не стало,
Ещё вчера она была.

* * *

Вечер. Ветер. На веранде
Выбито стекло;
Ровно прорва в небе, там где
Лето утекло,
И в неё за летом следом –
Домовитый дым
Уплывает, словно летом
Небесам пустым
Не хватило света – лето
Кончилось; и там –
Ничего, и значит это:
Ничего, что нам
Пригодится... И граница,
За которой мрак,
Или это мнится, снится –
Сдвинулась на шаг,
На полшага, на полвздоха...
Выдуло тепло,
Неуютно стало, плохо –
Выбито стекло...

* * *

Набухшие тяжестью груди,
Живот, затрудняющий ход,
И смотрят внимательно люди
На этот прекрасный живот.
Сравненьями вам не наскучу –
Один лишь исполню каприз –
Так смотрят на синюю тучу,
Готовую ринуться вниз...

Но дальше – труды и заботы,
Но дальше – бессонницы... стоп!
Всё будет нормально, ну что ты?
Ребёночек будет – тип-топ!

Пока ж – слепота, безголосье:
Ни солнца, ни ворк голубей...
Не бойся, не бойся, не бойся,
Он дышит, он прямо в тебе,
Командуя слуху и зренью,
Не зная ни мыслей, ни слов,
Он – бог, осязаемой тенью
Спустившийся в скинию снов.

II

* * *

Нам звёздный взгляд ночной не нов –
Как человеческий в бездне тонет!
И вечной темноты покров
Не сбросит свет, и не обгонит
Горячий луч бездонный мрак,
И потому душе тревожно,
Что знает – в мире всё не так...
Но как? – ответить невозможно.

Мы чуем правду, и она
Бессмысленно-тяжеловесна:
У преисподней нету дна,
И чуда нет, и жизнь чудесна!
И то, что жжёт нас и томит –
Весь этот сор цветочно-птичий,
Душа не вечная хранит,
Как вечный, неземной обычай...

* * *

Оставь, усни же! Ну, чего ещё –
Какой поделисься виной?
Я – просто трезвое чудовище,
Стою над жертвою хмельной.
Глазами страшными и пьяными
Ты смотришь, словно видишь сон –
Какими чёрными туманами
Твой мозг усталый напоён!?

Усни, не мучаясь, не мучая,
Погасим свет, давай, ложись;
Ты несогласная, колючая,
Ты несчастливая... А жизнь
Сама пойдёт, сама поправится...
Но сколько ж нервов и возни!
Нам хватит счастья, нам останется.
Я успокоился. Усни.

* * *

Ты смотришь так, как смотрит человек,
Как будто всем нам говоришь – поверьте,
Что этих звезд огромных тихий бег
Над головой по неподвижной тверди
Был ради вас задуман, предрешён,
Чтоб вам жилось светло под небесами.
Но божий мир в сон странный погружён,
И пустота раскрылась между нами.

А может мы, безмысленные, спим,
А ты толкаешь спящего рукою?
Разливы рек движением твоим
Разбужены, и страшному покою
Пришёл конец – и первый трепет век,
И радость узнавания, и встреча...
Ты смотришь так, как смотрит человек,
Но глубина в тебе нечеловечья.

* * *

Перелистай путеводитель:
Италия – роскошный край,
А ты – зевака, праздный зритель,
В партере место выбирай,
Ещё есть время на раскачку,
Ещё не каждый гость внутри,
Ароматическую жвачку
Под нёбо тисни и смотри:

Круизный лайнер у причала,
Белеет парус и восток
Сияет празднично, примчала,
Струит лазурный завиток,
На водных лыжах Лорелея...
Куда? Откуда? В каждый кадр
Душа, восторгами болея,
Стремится, в лаковый театр,

Где исторические штучки,
Где ум завистливый умолк...
Не то, что дома – до полочки
Перехватил две сотни в долг
И делишь на свою когорту,
И понимаешь, что нельзя –
Оно не делится... Всё к чёрту!
Забуться, по волнам скользя.

* * *

Тополя пахнут прелой листвою,
Всюду мокрый сваявшийся пух –
Это счастье? Я счастья не стою,
Я к нему равнодушен и глух.
Мне достаточно запаха листьев,
Светляка в незнакомом окне,
Это значит: во веки и присно
Я доволен, я счастлив вполне.

Между мною и счастьем преграда,
Я тебе уже всё рассказал –
Никакого мне счастья не надо,
Между мною и счастьем – провал,
Мне довольно аллеи прохладной,
Шоколадки за чирик в ларьке...
То, что есть – то и счастье, и ладно...
От тебя вдалеке, вдалеке.

* * *

Сколько ж фанатов, на росчерки скорых! –
Стены в зенитовских красках апрельских.
И Баратынский писал на заборах,
Ну, не заборах – на скалах карельских –
Керн вспоминала: на Иматре где-то
Встретила имя его над водою.
Так что, ищите автограф поэта
С буквицей Е или с В завитою...

Чем он? – наверно, не масляной краской
Там выводил свои буки и веди –
Мхом заросли и подёрнулись ряской,
Что долговечней гранита и меди,
Вензели – или гранит не позволил
Вывести чинно – пропали, плутая,
Впрочем, на белом размашистом поле
Так он писал, запятых не считая...

Ну а на камне – какое старанье,
Что за манеры в такие-то годы!? –
Выбелит солнце, мы знаем заранее –
Не превозмочь человеку природы –
Выветрит ветер, проглотят овраги,
Да жилконторовец встретится строгий...
То и останется, что на бумаге –
Чёрные литеры, чинные строки.

* * *

Историю не кончить, не начать,
Её ничем нельзя беспокоить,
Ведь сказано – рабы, чтобы молчать,
У греков – жить, а камни, чтобы строить...
И вот слова – что кубиков набор,
Давай, играй, не соблюдая правил –
И мысль была, и этот разговор,
Когда Адам мычаньем Бога славил...

Тянуться с нежностью бессмысленной к словам,
К чужим словам – о, влажная цитата,
Что скажешь ты, полузабытым, нам,
Уже мелькнувшим в вечности когда-то?
Но крови связь и хаос древних трав,
Но грохот сфер и плоти поражение –
Ты прав, кузнечик, несомненно, прав –
И звук, и свет, и долгих звезд движенье...

* * *

Патрокла жаль, всей жизни – толика,
Жаль Пенелопу – смотрит вдаль...
А вот соседа-алкоголика
Ничуть не жаль.
А он живет всей античности,
И просит в долг не по рублю,
Но я его отёчной личности
Не люблю.
Не потому, что горький пьяница
И деньги незачем дарить,
А просто, встретишь, во – качается,
Поговорить
Со мной желает, с уважением
Ко мне, что давеча не смог
Я отказать ему... движением
Нетвёрдых ног
Взбивает пыль, и расслабление
Его походки – не изъян,
Он весь – сплошное извинение
За то, что пьян.
Ну что сказать? – верни, мол, прежде...
Да разве вспомнит!? Он – готов.
Его душа, как поле снежное,
Где нет следов.

* * *

Это бессмертие там, за бортом,
Бьётся и шумно шипит,
Это и есть, что случится потом,
Это и есть Аонид
Вой раздражающий, ропот и гул,
Плеск золотого весла...
Это ты сам здесь сейчас утонул –
Душу волна унесла,

Та, что стучится к тебе невпопад
В борт, добиваясь, любя...
Всё, что для тела утрата, распад –
Обогащает тебя
Безднами, между которых висит
Лодка, в предчувствии бурь...
И глубина, что за краем скользит,
Хлынуть готовая внутрь.

* * *

Живу и не трушу:
Беда – не беда,
Ношу мою душу
Туда и сюда.
Немножечко странно,
Что в жизни земной
Она постоянно
В контакте со мной.
Не дышит, не знает –
Нигде не найти,
То вдруг обмирает,
То тесно в груди,
И давит тяжеле
Горы Эверест...
Скажи, неужели
Не выдаст – не съест?
Нам здесь неизвестно,
Что думает бог...
Да есть ли то место,
Тот светлый чертог? –
Оттуда обратно
Не видно следа,
Но ты, вероятно,
Летаешь туда.
Нелепа, как свечка
Средь белого дня,
Замолви словечко
Ему за меня,
Авось не откажет
Небесный старик,
А если что скажет,
Так спрос невелик.

* * *

Лёг провод модема под старенький плинтус,
Весь мир на ладони – не много ли чести?
И мы неразлучны, как Office и Windows...
Как Windows и Office – бормочет винчестер.
Мой древний компьютер, мой друг ненадёжный,
То файл потеряет, то кулер завоет,
И всё-таки, всё-таки это возможно,
Смотри, отвечает железо живое!
И наш разговор продолжается долгий
Пока не исчерпаны времени квоты,
И ты понимаешь мои недомолвки,
И ты устраняешь мои недочёты,
Ты чистишь мою орфографию, боже,
Кто скажет, что эта машина бездушна?
Когда я предстану пред Господом, кто же
Поправит, одёрнет меня, если нужно?

* * *

Портрет Алексея Толстого: должно быть – обед,
Два сорта вина перед ним, ветчина... но не хлебом и мясом
Питается совесть – что скажет громоздкий поэт,
Кормивший буржуа то рябчиком, то ананасом?
Ах, ели же, ели, конечно, ещё и не так –
Рабле, вот любитель веселья, гулянки да пьянки,
Ещё де Костер был, ты помнишь? – ну, Ламме Гудзак...
Кустодиев с пышной купчихой, где чай и баранки...
Всего и не вспомнишь, и яств нескончаем парад,
Но год был какой? – посмотри-ка на мрачную дату:
Жёг книги в буржуйках и с голоду выл Ленинград,
И не было сил у страны, чтоб помочь Ленинграду.
Прости за нотацию, голод – не тётка, вина
И мы не откажемся выпить... толчёмся у кассы...
Но лучше б он с книжкой сел на диван или встал у окна,
Уж лучше бы спрятал к чертям все свои ананасы!

* * *

Иногда начинаешь верить в смешные вещи,
Например, что живёшь среди некурящих женщин,
Что живёшь среди непьющих мужчин, и довольно слова,
Чтобы тот, кто тебя разлюбил, влюбился снова.

Потому и смешно – ты же знаешь весь ужас мира,
Но глупее всего, что о том же твердит Земфира,
И любые слова, ничего, кроме слов, не знача,
Есть не более чем разновидность глухого плача...

Скажешь – Бродский напел... наплевать, не боюсь повтора,
Он меня оправдал бы, когда б не ушёл так скоро,
Он смеялся бы, верно, как лысый картавый ворон,
И, конечно, меня не назвал бы бесстыдным вором.

Впрочем, это смешно – говорить за других посмертно,
Всё что мог, он сказал, а время вполне инертно,
Его попросту нет, есть дома, есть леса и пашни...
А куда же девался ты, человек вчерашний?

Облакам не ложится на влажных своих лежанках,
И грохочут-хохочут составы на полустанках,
И в зияющем небе погасла далёкая Лира –
Но обидней всего, что о том же кричит Земфира...

* * *

Механизм, от натуги горячий,
Раскрутил эти скопища звёзд –
Всё устроено как-то иначе,
Божий мир удивительно прост –
Зря науками душу измучим:
Что, другое, откроется в нём?..
Этот мир удивительно звучен,
Удивительно скор на подъём,
На внезапное счастье, на горе,
На короткий стремительный стих –
Никаких, никаких аллегорий,
И метафор почти никаких! –
Всё открыто и слуху и взору,
Ничего недоступного нет...
Только, то, что узнаешь ты скоро,
Никакой не расскажет поэт!

* * *

Где отыщешь ту гору с норой в преисподнюю? –
Обойди всю Италию миля за милей –
Только Дантовы сны, но в долину бесплодную
Не проводит Вергилий.

Что нам Гвельфы, дела их забытые, смутные?
И живому закрыта, бесследно завалена
Та пещера, а наши – молчат, беспробудные,
Например, возле Саблино.

В эту синюю глину, в песчаник коричневый,
В мокрый воздух, где время прошедшее копится,
Заползаешь, ослепший от искорки спичечной,
Без оглядки, как водится.

Где оно, развесёлое царство аидово? –
Там не скучно, там люди работою заняты;
Здесь – один на один со своею обидою,
Что таскаешь, как знамя ты.

Здесь, почти что в могиле, где мгла перемолота,
Где от жизни осталась лишь тягость заплечная –
Пустота, *ничего* – ни жары и ни холода...
Скукота бесконечная.

* * *

Имея Иру на буксире,
Вино и шоколад,
Я думал о пустой квартире.
Такой расклад.
И вот уж лестница кривая,
Замок – трик-трак...
Она так слушала, кивая,
Смотрела так...
О чём ещё мечтаешь в двадцать? –
Она в плаще,
И можно только удивляться,
Что вообще
Я думать мог о чём-то, вроде:
Соседи – мрак...
И говорил ей о погоде,
Такой дурак.

Нам было неудобно, жёстко,
И вкривь и вкось,
А, в общем, не в плаще загвоздка –
Всё удалось:
Доели шоколад, допили
Вино, не прочь
Поговорить – поговорили.
Молчала ночь.
Окно к стене лепилось южной,
В ночи пробел.
Мы так близки, что слов не нужно –
Приёмник пел.
В слепой горячей суматохе,
В сплошной ночи
Мне думалось – дела не плохи...
Ах, помолчи!

* * *

Всё думаешь как от забот и трудов оградить
Излишних, избыточных... вдруг замечаешь – ого!
Когда эти девочки так научились ходить,
По-женски смотреть научились они у кого?
Но самое главное – судят уже обо всём
Вполне независимо, и не отвергнешь их суд.
Вы дети ещё, мы, конечно, поможем, спасём...
И всё-таки в праздник фужеры на всех достают,
И всё-таки затемно где-то гуляют, когда
Вернутся домой неизвестно, поди, укроти –
Наверное, выросли, справятся сами... да-да,
Давай, говори, утешай себя... а впереди –
И муки влюблённости, и неизбежная ложь,
И всё-таки счастье, которое нужно узнать.
Твой опыт никчёмный смешон, отпусти молодёжь
Саму набивать свои шишки, саму открывать
Известные истины... И не пеняй никому,
Когда тебя спросят – чего ж ты, родитель, молчал!?
Твой голос, как шёпот дождя, кто внимает ему? –
Наверное, ясень, что веткой в окно постучал.

* * *

Ночного неба домино
Перемешали тучи,
Расклад известен так давно,
Что это даже лучше –
Забуть про сговор грозных сил,
Про эти дыры, пятна...
Не знать – какое из светил
Угасло безвозвратно.

Должно быть, кончен Божий Суд
И шулер занял место –
Как нынче кости упадут
Заранее известно,
Однако трудится твой взгляд
И слух не спит ночами,
Ему неясен дней расклад,
И партия в начале.

* * *

Ах, эта девочка с фамилией чудесной,
Какой – не помню, и не всё ли вам равно?
Кусты и заводи, и полумрак воскресный...
На танцы вечером, а может быть, в кино.
Весь городок – две пригоршни строений,
Три шахты, цемзавод и магазин,
И если, в самом деле, жил Евгений,
Он только здесь и мог вдыхать бензин...
Нет-нет, наврал, не там ищу я ровню,
Мы от столицы страшно далеки!
Но, помню, с той, которую не помню,
Мы целовались около реки.
Как хороши проточные мгновенья,
Не в них ли жизнь сознания моего?
Та девочка моя по имени Забвенья,
Ты помнишь ли меня? Нет, не меня – его...

* * *

Летучий снег не скоро приплывёт
К соседней крыше, к ржавому забору...
Я осень не люблю, но в эту пору,
Когда на лужах только-только лёд
Становится, и школьники с разбегу
Скользят, стараясь не упасть,
Едва асфальт появится и грязь
Под гладкою подошвой, словно в *негу* –
Простите это слово, но *душа* –
Опять простите, сходит *утомлённой*...
И жизнь в *томленье* этом хороша.
И обещанье светлой, законной,
Другой природы *грезится* уже,
Где ярче день и, вместе с тем, короче...
Я у окна, на пятом этаже,
Ты за стеклом и смотришь прямо в *очи*...

* * *

Ты верно сказал – прощельга и мот,
Я также на круглый смотрю циферблат,
И время всегда неудобно и жмёт,
Хоть, кажется, стрелки стоят.
И можно ещё и ещё потянуть
Резину ленивых, но радостных дней,
Которых не жаль, но, поверь мне, вернуть
Хотел бы... Хотел бы... Чёрт с ней!
С той жизнью, которая нынче не в счёт,
Которую ты за Хабаровск увёз.
Вот по небу облако плавно течёт,
И это доводит до слёз.
Но тень на асфальте длиннее, чем дом,
Закрыт на просушку затопленный сквер,
И жизнь удалась, и ты знаешь о том.
Но жаль её, жаль... Маловер.

III

* * *

Взгляни в окно – в мерцании светил
Ты ни одной звезды не выделяешь;
Как много дыр Господь там накрутил,
Но их имён ты всё равно не знаешь,

Не потому, что грандиозен круг
Небес, его объять не хватит взгляда,
А потому, что как-то недосуг,
Всё как-то так... а, в общем, и не надо.

И восвоясях каменных своих
Мы над стихами никогда не плачем...
И Божий лик отобразился в них
Каким-то смутным и уже незрячим.

* * *

Ещё не знаю, что случится:
Рука безмыслия полна,
Белеет чистая страница,
Строфа составлена одна.

Как пятый стих стихии пятой,
Ещё невнятен, тёмен, тих,
Зашёл сосед в тельняшке мятой,
В дырявых шлёпанцах своих.

Ему бы выпить, он не знает
Приятней слова, чем «лафа»...
Увы, надежда исчезает
Быстрее, чем кончится строфа.

В тринадцатой прощенья просит,
Полтинник мучает в руке,
И к чёрту шлёпанцы уносит
Уже в шестнадцатой строке.

Он долго недоумевает,
И палец крутит у виска,
И вот что о двадцатой знает
Строке – там пьянство и тоска.

* * *

Никакой метафизики нет,
Посмотри, это – дверь, это – ванна,
Это – стол, осязаешь предмет –
Это просто, и, всё-таки, странно,
Что находится что-то, чего
Не потрогать, к чему прикоснуться
Можно только рассудком – его
Так легко обмануть... Обмануться
Можно так же легко самому:
Раз – и всё, и поверил, а это –
Твой же вымысел, как же ему
Придаётся реальность предмета?
Постепенно ли – кистью, рукой
Или точным резцом? Посмотри же –
Ничего. Впрочем, кто я такой,
Что бы знать, понимать? Что-то выше
Нас должно быть, иначе, скажи,
Если Ты не со мной, значит – где Ты?
Вероятно, в отчизне души,
Там, откуда берутся предметы.

* * *

Странная мысль пробудилась со мной на восходе –
Дождь постучится в стекло или ветер подует,
Я есть причина всего, что со мной происходит,
И ничего кроме этого не существует...
Разве что свет из окна, он стремится наружу,
Разве что звёзды над теменем – вижу две штуки,
Разве что небо, упавшее в чёрную лужу,
В ней открывается то, что секрет для науки;
Разве что ночь, от которой меня отделяя,
Копишь тепло и меня согреваешь часами,
Разве что блеск ночника, уголок одеяла,
Разве что радио, с мёртвыми в нём голосами...

* * *

Хорошо, что день погожий,
Благодать!
Солнце светит рыжей рожей –
Не унять.
Тень лежит карикатурой
Вдоль пруда,
Зелень, воздух – парк Культуры –
Да вода.
Лебедь крылья отворяет,
А в углу
Доминошник ударяет
По столу:
Отрубаю... либо-либо –
Все дела...
Ай, ты чудо-юдо-рыба-
камбала!
Лента чёрная до края
Доползла,
Жизнь не кончится, играя,
За козла
Рассчитаемся под осень –
Гам и дым,
На кону сто двадцать восемь –
Четверым.
Бьёт заходчика ответчик,
Видно, спец:
Наши в городе! – Полегче! –
Всем капец!
Счёт растёт неудержимо,
Через край.
Пусто-пусто... мимо? – Мимо! –
Раскрывай!

* * *

Не надо встреч – одной большой разлуки
Достаточно, так легче, так верней;
Вся эта жизнь – скитания и муки,
И хорошо, что нет блаженства в ней,
Что ночь уже, трамваи отстучали,
Что безнадежен медленный рассвет,
Что нет руки, врачующей печали,
А, в общем, и печали тоже нет...
Ни дня, ни сна, ни чистоты, ни грязи –
Кому в метро ты душу изольёшь?
Плоть ищет плоти, чувственных фантазий,
Плоть ищет лжи, когда полезна ложь.
Плоть, сволочь-плоть, безвинна и безбожна,
И обольстительно-податлива на вид,
А голова светла и безнадежна,
И только сердце ни с чего болит.

* * *

Когда уснёшь, и если вдруг душе
Приспичит в рай наведаться, то, что же
Найдёт она? – я думаю, уже
Нет сада – сквер, и, всё-таки, дороже
Берут за вход, чем раньше, и стократ
Счастливей те, кто загодя проникли
За лёгкую ограду, там, у врат,
Вручив за жизнь прикопленные сикли.

А тут – ты спишь, ты, в общем, не готов –
Тебя зовут оставленные стены,
Твоих трудов, твоих семи потов
Для рая мало, если бы не цены...
А ночь летит, приятна и легка
Дорога в рай, но утро наступает,
И ждёт душа, и топчется, пока
Пристрастный ключник медленно считает

И сводит дней таинственный баланс,
И бесконечно долго проверяет
Сколь тяжёлых дел не сделанных запас.
И тает ночь, и ночь летит и тает...
И находя, что твой не кончен путь,
Он гонит прочь бесстыдную летунью,
И вслед гремит железом и латунью –
Вставай, вставай, меня не обмануть!..

* * *

Что-то в небе треснуло,
Рухнуло на нас,
И водою пресною
Моет третий час;
Ручейков излучины
По стеклу скользят,
Бригадир измученный
Злой тоскою взят:
Как траншею выкачать,
Жёлтой глины взвесь,
Не успеешь выскочить,
Как промокнешь весь –
Далеко ль до клиники?
Да пошло оно!..
Сели матерщинники,
Взяли домино.
Вся бытовка – комната,
Курят – хрен войдёшь,
Были бы иконы-то,
Вынесли б на дождь...
А прораб немаленький
Напускает вид,
Словно печь в предбаннике
Стонет и гудит:
Засиделись до дури,
Рай вам в шалаше,
Вылезайте, лодыри,
Кончилось уже!

* * *

«Запорожец» смотрит гордо –
Его морда, как у «Форда»,
Его цвет такого сорта,
Что не хуже, чем у «Форда»;
У него резина стёрта,
У него в салоне спёрто,
Он не годен для эскорта,
Но и он не хуже «Форда»,

Даже лучше он, с подвохом,
Нет у «Форда» этой прыти –
Авто-мото-VELO-пёхом
Доплывёте, долетите,
И, при том, такое судно
Никому толкать не трудно.

И не только этим славен –
Он устойчив, он морален,
И в ночное время суток
Он не возит проституток;
Сутенёры, бандюганы
В нём не ездят в рестораны...

Я куплю себе такое
Чудо-юдо заводное,
Растрясу мои заначки –
Не бедней же я калек,
Посмотрите – в этой тачке
Едет, типа, человек!

* * *

Всё не отыщут компромисса
На трубах, вымазаны глиной,
Изолировщица Лариса
С изолировщицей Галиной.
Им не хватило пакли, что ли,
Или гудрон остыл до срока,
Внезапно, обалдев от воли,
Грызутся – тёткам одиноко.

Не укротить пристрастной пары
В их преднамеренной заботе –
У той во лбу стакан водяры,
А эта третий год в разводе;
Таковыми перлами сверкают,
Такая в них разыграла злоба,
И так умело подсекают,
Что сварщик вскрикивает: О-па!

* * *

Этот дождик невзрачный и маленький,
Как мгновенный сквозняк по ногам,
Облака в беспорядке и панике
Разбрелись по воздушным лугам,
И в горячей духовке автобуса,
Где стоячая трётся шпана,
Не хватает кондуктору голоса
Всех окликнуть. Из окон видна
Голубая лагуна над крышами,
Светопады витрин вдоль пути...
Мы о тропиках многое слышали,
Но чтоб в топиках в город войти,
Но чтоб в жаркой ламбаде бессовестной
Так толкаться, касаться, спешить,
Так смущаться... о, счастье – для горестной
Жизни северной в тропиках жить.
Что поделать? – так хочется бархатных
Трав и платьев, теряющих вес,
А не дней этих чёрных и слякотных
В серой яме январских небес.

* * *

Земля не пахнет ничем, только сырость и грязь,
Экскаватор черпает воздух, колеблет почву,
Торчит перебитый кабель – нарушена связь,
И вряд ли её восстановят сегодня ночью.
Обычный мат помогает в укладке труб,
Нивелир, охватив горизонт, тормозит на рейке,
Сливеют губы, сползают куда-то вглубь
Рабочие в ярких жилетах – замызганные канарейки.

Работа с землёй, на земле – бесконечный труд,
Отвес, глазомер и подспудно живущий опыт,
Который, как ни старайся, уже не пропьют,
Иначе бы мир был давно безвозвратно пропит;
И небо с тупым равнодушием смотрит, как
За будкой-кандейкой пикник до обеда начат –
Беззлобный, но строгий сварщик мне кажет кулак,
И что-то в пожухлой траве осторожно прячет...

* * *

Мне сказали – здесь была война,
Помнят люди, странная забота,
Чёрных лет немые имена,
Как пахала потная пехота
Снег и слякоть орлинских полей...
Всё теперь сытнее, тише, глаже,
И в болоте спит до наших дней
Ястребок в полётном камуфляже.

Помнят внуки рассказы старух,
Ах, слова теряют силу, что ли,
Не смущают зрение и слух
Память дней и сгустки прежней боли,
Но, спроси, дословно повторяют,
Как горели в школе, как спасались...
Словно так же всё ещё горят,
Не сгорая, умершим на зависть.

Отпусти, минувший страшный век,
Не держи мучительно и долго...
Сколько раз стелился новый снег,
Но весной случайного осколка
По лопате скрежет раздерёт
Волглый дёрн... как в череп постучится...
Снова мрак пугающий идёт,
И не знаешь, что ещё случится...

* * *

Всё экскаваторщик острит.
Всё матерится сварщик тощий.
Прораба мучает гастрит,
Он минералку пьёт не морщась,
Потом с улыбочкой косой
В блокноте делает пометки
И заедает колбасой
Свои гастритные таблетки.

Приехал главный инженер.
Компрессор приволок механик.
Прораб не принимает мер –
Компрессор тонет, как «Титаник».
Ему (прорабу) всё равно,
И всё-таки: гони щебёнку!
Он хочет сесть уже давно
На трубы как-нибудь в сторонку,

Но вот ведь – главный достаёт,
Крановщику нужна канистра,
А бригадир в бытовке пьёт
В компании бульдозериста.
И нет, не рухнут небеса,
И мир не кончится до века,
И нужно дать на полчаса
Геодезисту человека.

* * *

Но если грязь и низость – только мука
По где-то там сияющей красе...
Спроси у Анненского, он ответит – ну-ка,
Зачем вам рай, которым грезят все?

Зачем мне рай? Кто эту мысль подсунул,
Когда ни сном, ни духом – ни гу-гу,
Не я, не я, не я его придумал,
Но без него, как видишь, не могу!

И говорю о неподвижной тверди,
И опускаю взгляд перед крестом...
Конечно, вру. Конечно же, не верьте.
И не жалейте, если что, потом...

* * *

Где дудочка твоя? –
Её напев не нов,
В неведомы края
Немецкий крысолов
Из города детей
Увёл, и нет следа...
Где дудочка твоя,
Зовёт она куда?

Оставь свои слова,
Забудь звучащий рай,
И сам пойми сперва –
О чём, потом играй,
Быть может этот ритм,
Мелодии полёт,
Разбудит пустоту
И память отберёт...

Как много ярких снов
И музыки вокруг! –
Поэт – и крысолов,
И пойманный на звук
Ребёнок; что в руке –
Не нотные листы?
О, кто тебя увёл,
Кого уводишь ты!?

* * *

Как ни любил бы я поэзию,
Как ни влезал бы на Парнас,
Не за стихи – за геодезию
Мне деньги платят в месяц раз.
Пока ж бесплатная и трудная
Цепляет мысль гортань мою,
Вот неотвязная, занудная!
Но что там, в рифму-то? – пою...
Зачем? – затем... ума не нашего
Ответ искать – у тишины,
Я тоже, было время, спрашивал,
Но все слова предрешены –
Всем миром подбирали, в складчину,
А я нанизывал, как мог.
И что ж, труды мои оплачены,
Но делом рук, а не за слог.

* * *

Скрипит с утра калиточка –
Звук в серый воздух врос,
Как моцартова скрипочка,
Как песенка до слёз...
Ещё бы спали гости-то,
Чай, дачный сладок сон –
Бренчит ведро на мостике,
Кто ходит под окном?

Здесь долго спать заказано,
Здесь рано не ложись,
Вся жизнь – сплошная пауза...
И это тоже жизнь.
Здесь мхов прибрежных ватники
На озере Чудском,
Да псковские посадники
В посёлке заводском...

За окнами короткую
Ночь прячет близкий лес,
Кричит под черноплодкую
Соседский кот-балбес,
А ты лежишь и маешься,
И манит синева...
Здесь воздух – закачаешься!
И водка дешева.

* * *

Какой-то памятник, не знаю
Кому, томился вдалеке,
И плыло облако по краю,
И замирал флажок в руке,
И демонстранты транспаранты
Несли над самой головой,
И всюду – банты, банты, банты...
И Фёдор батькович кривой
С гармонью, тоже кривоватой,
Он возбуждён и нарочит,
И с тётей Танею поддатой
Он песню страшную кричит.

И катится нестройно пенье,
И наплевать, похоже, мне,
Что смотрит молча оцепленье
На ликование в стране;
Вожди безропотны и плоски,
Как воблы праздничный улов,
И переполнены киоски
Пивною пеной до краёв.

Бинтами красными обмотан
Течёт людской неровный строй.
Григорий Палыч обормотом
Меня назвал, а сам пустой
Шагает, сунул руки в брюки,
Он спорит радостно с любимым,
И курит, и поёт от скуки,
И дышит дымом голубым.

И были счастливы, и счастли-
вы были, были мы тогда,
В пустые сумрачные ясли
Большая пряталась звезда,
И нота медная звучала,
Шпана шары сбивала влёт,
И наша молодость не знала,
Что песни страшные поёт.

* * *

Пространства так много, что время отсутствует в нём,
И свет застревает в замёрзшей ночной атмосфере,
Незрячие звёзды негреющим светят огнём,
И настезь открыты пустые небесные двери,
И тихие тучи едва различимы во мгле,
Висящей над ними таким безнадёжным провалом,
Что нет никого, никого, никого на земле...
И взгляд опускаешь. И где-то за чёрным кварталом –
Похожий на звёздочку проблеск, мгновенный маяк,
Мелькнёт и исчезнет, и ждёшь, повторится ли снова?
И глаз осязает холодный бессмысленный мрак,
Который глядит на тебя тяжело и сурово...

* * *

Писать четырёхстопным ямбом, который русским свыше дан, – почти что прозой. И когда бы укрыть могли мы барабан размера, ритма в длинной строчке, лишённой стихотворных прав – катренов, терций и октав, их раскидав поодиночке в романной вяжущей строке, поэты наши налегке перебежали б к романистам. Прости, Евтерпа, эту блажь. Наш не тернистым, но – тенистым был путь к умению. Когда ж, постигнув многое, и многих порастеряв на полпути, мы эти странные дороги в стихах сумели обойти, то в этом городе из праха воздвигли музам мавзолей: лежит собор, как черепаша на камне в Греции своей. Здесь грозный Пётр, здесь бедный Павел, здесь Александр и Николай – он уважать себя заставил, но холостой «Авроры» лай перебудил почти полсвета, и вот теперь наверняка поэта песенка пропета – ведут Евтерпу в ВЧК.

Но скачет конь и машет гривой, и с четырёх его копыт своей рабфаковке сопливой стихами кто-то говорит о том, что любит, любит, любит, и в такт кивает головой, ладонью влажный воздух рубит, застигнут страстью стиховой.

Но скачет конь, не уставая, не зная хоженных дорог, и кумачи в начале мая поёт отчаянный седок, бородачи висят в простенке, как основатели основ, течёт Нева, сомкнув шеренги, под портупеями мостов.

Но скачет конь, у стен музея встаёт атлантов чёрных рать, везут в Воронеж Одиссея пространств российских испытать. Рабочим днём и днём парадным конь в мостовую будет бить, и даже заревом блокадным его нельзя остановить. Четыре такта как копыта – прощай, романная строка, пока Евтерпа не убита, пока жива она...

Пока...

* * *

Мои стихи мне самому приелись,
На всё не хватит судорог души...
А есть Машевский, Пурин и Вергелис,
И, между прочим, очень хороши!
Есть Ковалёв, Леонтьев – вспомни, ты же
Хвалил и слог, и стихотворный пыл,
А есть ещё в Свердловске Боря Рыжий...
Всё не привыкну, что не есть, а был.
А есть Танков, Дуда, Фролов и Раскин,
Капустина – прочесть ли список весь?
Могу ещё добавить без опаски
Десятка два имён известных здесь.
Все хороши, но вот тебе не светит
Войти в их круг и хлопнуть по плечу –
Ну что, мол, брат... поэты, словно дети,
Ревнивы к славе... впрочем, помолчу –
Я сам ревнив, хоть знаю: если честно,
Никто не отзовется через век,
А о себе судить не интересно –
Обычный, даже, скучный человек,
Твои стихи лишь случай, сдвиг сознания,
Слепой души рифмованная дрожь.
И что, просить за это воздаянье? –
Ты всё равно без них не проживёшь.

* * *

Приёмник кухонный включи,
Когда звезда в окно стучится,
Ты слышишь? – музыка звучит,
Она не может не случиться
За облаками, где горят
Незатухающие свечи,
Там эту музыку творят
На лёгких крыльях человечки.

Вот скрипка тонко поднялась
И замерла на полувздохе,
Вот барабан прошёл, смеясь,
В густой эфирной суматохе,
Вот контрабасы по басам
Проехали – ах что ты, что ты? –
Так человечки к небесам
Там приколачивают ноты,

И строят прочные леса,
Чтоб, в эту бездну вовлечённый,
Ты мог смотреть во все глаза
На древний нотоносец чёрный...
Что, ты не видишь ничего?
Ты говоришь – неправда это...
Чего ж ты хочешь от Него,
Помимо музыки и света!?

Содержание:

От автора: ERGO SUM (ЗАЧЕМ ПИШУТСЯ СТИХИ?) 5

I

ПЕСЕНКА (День-то, ах, день-то – безумно пригож)	12
Кто сказал, что тебе ничего, ничего не надо	13
А я, предстань мне Бог, поверил бы? – не зная	14
Аптека, и, стало быть, Блока	15
Как за невымытыми стёклами	16
Всё возвращается – снуёт челнок бессрочный	17
Влажное ложе ещё не успела покинуть денница	18
К СТАТУЕ «РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ», УСТАНОВЛЕННОЙ НА ВХОДЕ В КОМИТЕТ ПО АРХИТЕКТУРЕ И ГРАДОСТРОИ- ТЕЛЬСТВУ (В ней нет античной точности, отсылка)	19
Ах, кто не пьёт – тот не поэт	20
Поэт всегда, всегда в Эдем	21
Бог помнит всё, и всё хранит	22
Где-то в мёрзлой Якутии холод невообразимый	23
На Карповке, где карпов не бывает	24
То смотрит на нас, улыбаясь, Монро	25
Она сбегала вниз, не тронув перил	26
Природа равнодушно-справедлива	27
Напрасно, может быть, обижу	28
О чём ни говорю, а говорю о многом	29
Была любовь – её не стало	30
Вечер. Ветер. На веранде	31
Набухшие тяжестью груди	32

II

Нам звёздный взгляд ночной не нов	34
Оставь, усни же! Ну, чего ещё	35
Ты смотришь так, как смотрит человек	36
Перелистай путеводитель	37
Тополя пахнут прелой листвою	38
Сколько ж фанатов, на росчерки скорых	39
Историю не кончить, не начать	40

Патрокла жаль, всей жизни – толика	41
Это бессмертие там, за бортом	42
Живу и не трушу	43
Лёг провод модема под старенький плитус	44
Портрет Алексея Толстого: должно быть – обед	45
Иногда начинаешь верить в смешные вещи	46
Механизм, от натуги горячий	47
Где отыщешь ту гору с норой в преисподнюю	48
Имея Иру на буксире	49
Всё думаешь как от забот и трудов оградить	50
Ночного неба домино	51
Ах, эта девочка с фамилией чудесной	52
Летучий снег не скоро приплывёт	53
Ты верно сказал – прощельга и мот	54

III

Взгляни в окно – в мерцании светил	55
Ещё не знаю, что случится	56
Никакой метафизики нет	57
Странная мысль пробудилась со мной на восходе	58
Хорошо, что день погожий	59
Не надо встреч – одной большой разлуки	60
Когда уснёшь, и если вдруг душе	61
Что-то в небе треснуло	62
«Запорожец» смотрит гордо	63
Всё не отыщут компромисса	64
Этот дождик невзрачный и маленький	65
Земля не пахнет ничем, только сырость и грязь	66
Мне сказали – здесь была война	67
Всё экскаваторщик острит	68
Но если грязь и низость – только мука	69
Где дудочка твоя	70
Как ни любил бы я поэзию	71
Скрипит с утра калиточка	72
Какой-то памятник, не знаю	73
Пространства так много, что время отсутствует в нём	74
Писать четырёхстопным ямбом	75
Мои стихи мне самому приелись	76
Приёмник кухонный включи	77

В оформлении обложки использована репродукция с картины Яна Вермеера Дельфтского «Астроном» (Лувр).

На последней странице обложки портрет Русакова В. Е. на вечере «Folio Verso» 10 апреля 2002 г. – рисунок Светланы Рубан.

